

Вальтер

Автор:

С. А. Грейс

Вальтер

С. А. Грейс

1351 год. Чума наконец начинает покидать Европу, оставляя в крохотных деревнях на окраине Шварцвальда горстки выживших, среди которых – Даниэль. Мальчик, который слышит о коварстве и зле таинственного народа, живущего в недрах Черного леса, чьим колдовством его пугали с детства. Но ему уготована странная судьба – новая жизнь далеко в глубинах Шварцвальда, под опекой самой Королевы, и пророчество стать королем этого народа. Самым жестоким в истории... Но что если он не готов им становиться? Поможет ли непокорный характер сбежать от судьбы и из королевского замка, если он уже стал частью Большой Тайны, благодаря которой Королева-мать отчаянно надеется что трон не достанется другому...Фантастический роман, в центре которого – дилемма: что становится мотивом принятых нами решений и как потребность высвободиться связана с борьбой за самостоятельность и самоутверждение как личности

С. А. Грейс

Вальтер

Путь воина – это борьба.

Борьба с собой, борьба с обстоятельствами.

Каждая победа дается нелегко.

Именно это и делает тебя непобедимым.

Пролог

– Даниэль! – Голос ее всегда так нежен, так взволнован, когда она произносит мое имя. – Сынок! Сейчас же возвращайся домой!

Полная решимости рука без труда оттянула меня за шиворот назад, ведь ростом я был еще не выше аршина.

– Не вздумай идти в лес в такую погоду! Ты видишь, какой ветер?!

Ее голос перебивали леденящие слух завывания вихрей. Золотое море колосьев вокруг нас разрезала уходящая вдаль узкая дорога, чей черный змеиный хвост исчезал в темной пучине Шварцвальда.

Взвившиеся с крон огромных деревьев птицы предупреждали о приближении бури.

– Пойдем в дом! – Тон матери железно приказывал повиноваться, но я все не мог оторвать глаз от того очаровывающего момента, когда из-за крон вот-вот покажется всклокоченная грива низко ползущей тучи. Это был тот момент, когда природа на секунду замирала, смирившись с неизбежным, и пропускала через себя непогоду, уступая ветру право господства. Это было настоящим чудом, настоящим колдовством, а не тем, чем обычно пугала меня мать.

– Быстрее, Даниэль! А вдруг появятся из чащи колдуны? И заберут тебя! – Эхом отдавался ее голос в моих мыслях.

Пожалуйста, еще мгновение, еще только один глоток этого божественного воздуха в предвкушении дождя... Я любил дождь за его своеволие. Он никогда не приходил во время всхода посевов, когда о нем так молили, но зато мог по нескольку дней проливаться на наши головы во время сбора урожая. Иногда он

словно одумывался и отзывался на наши молитвы, но очень скоро вновь становился своенравным, словно упиваясь своим могуществом над людьми.

Рокочущий звук грома со всего маху раскатился по полям, приминая траву и чуть не сорвав платок с головы женщины, вовремя схваченный тонкими длинными пальцами. Она больше не говорила, только вела меня рядом с собой, ни на секунду не отпуская моей руки, словно боясь, что когда-нибудь выдуманные ею угрозы могут стать явью. А я, спотыкаясь, смотрел вслед грохочущим облакам, и не понимал, как можно не любить бурю.

Глава 1

«Трудный характер есть следствие трудной судьбы»,

– часто слышал я спокойный, мелодичный, подчиняющий себе голос.

Я никогда не хотел быть тем, кто я есть сейчас.

Звонкие от птичьего пения лучи восходящего солнца, изредка пробиваясь сквозь огромные черные кроны остроконечных деревьев, играли на тонких золотых нитях с невесомой пыльцой, мерцая и описывая мягкие, пушистые круги влево-вправо, в такт трепещущему от дыхания ветра занавесу.

Большая резная кровать в глубине комнаты, со всех сторон объятая балдахином, громоздкая дубовая мебель, тяжелый кованый сундук у самого окна... Даже к ненавистным взгляду вещам по прошествии размеренно текущего времени привыкаешь.

В полумраке твердая мужская рука быстрым движением накинула камизу, плотно застегивая манжеты на запястьях. Шею скрыл белый сатин воротника, застегнутого под самое горло. Шепот листьев приносил последние новости с самых нижних этажей замка, из тех окон, откуда доносился говор кастрюль с кипящими в них приправами, звенящие таинственностью придворные сплетни и

голоса, голоса просыпающейся истории. Их громогласный шум не докатывался до таких верхних этажей замка, как этот, поэтому здесь так отчетливо чувствуешь себя в безопасности.

Белые манжеты покрыли широкие пластины-кеты. Стальная хватка и резкий щелчок – так начинался каждый новый день Даниэля. И каждый день он жил, понимая, что так жить нельзя. Каждый день он хотел больше не видеть этих сырых мрачных стен, и каждый день снова просыпался в своей постели, в этом замке, с сожалением осознавая, что это его выбор. И казалось, ничто не может изменить этот веками устоявшийся порядок течения времени, беспокоивший сердце только тогда, когда он мог остаться наедине со своими мыслями. Но сегодня все было не так.

– И что же, Вас не смущает наблюдать, как я одеваюсь? – его усмешка повисла в натянутой тишине, сопровождающей это утро.

– Я не смотрю на Вас, будьте спокойны, – отстраненно ответил ему женский голос из мягкой темноты комнаты. – Не мне стоит смущаться, Даниэль, а Вам, ведь по Вашей милости я здесь.

Юноша склонил голову и улыбнулся.

– Поверьте мне, Кейтлин, по моей милости Вас бы здесь никогда не оказалось. Не примите за грубость, но это работа Реймонда, и он в роли экуи был куда уместнее.

– Я исполняю приказ Ее Величества, и я делаю то, что обязана делать. В отличие от Вас. Так что будьте добры, не тяните время. Наденьте нектай.

Гордое спокойствие, приправленное нескрываемой долей скептицизма и непременным оттенком недоверия, были самой природой этой девушки. Как красиво холодный характер сочетался с охристыми локонами, обрамлявшими это обманчиво милое личико. Среди всех фрейлин королевы она одна приковывала взгляд не своей красотой – Верена умело подбирала в свое окружение только самых красивых девушек королевства, – а своей неприступностью. Она одна всегда оставалась верна своей гордой, прямой осанке, своему взгляду и – полностью и без остатка – самой королеве. Безоговорочное служение, как само естество этой девушки, восхищало, но глубина серо-зеленых глаз никогда не

выдавала настоящих мыслей, которым, возможно, благоразумие не разрешало даже появляться на свет. Ясна как день – настоящая дочь вардаров. Столь же самоотреченная, как все они, такая же самодостаточная. Каждый, кому довелось родиться в этом королевстве, с малых лет гордился двумя главными вещами в своей жизни: тем, что он вардар (и холодная красота, наследуемая этим народом, еще больше укрепляла их в своей избранности), и тем, чего он к тому моменту уже успевал достичь. Кейтлин в этом плане была выдающимся примером обладания всеми вышеперечисленными качествами, и это гордое спокойствие, с которым теперь она стояла позади Даниэля, так приятно было в очередной раз испытывать на прочность.

Стальной воротник с королевским вензелем, подтверждающим право обладателя на вход в любые двери королевства и доступ к сердцу любой дамы, как и всегда, остался лежать на серебряном подносе рядом с его рукой.

Глаза, наблюдавшие за ним, с безысходностью утонули во мраке.

– Служение, Даниэль, – это высшая форма благодарности, которую Вы можете отдать другому. И каждый в этом мире скажет Вам, что служение – это высшая цель, которой мы можем посвятить свои жизни. – В голосе ее появлялись нотки раздражения. – И пока Вы каждый день просыпаетесь в этом мире, в этом замке, в своей постели, и принимаете это как должное, пока Вы продолжаете идти наперекор правилам и укладу нашей жизни, уж поверьте мне, Вы не можете считать себя в безопасности. А потому наденьте нектай.

– Знаете, в чем проблема, Кейтлин? – Даниэль накинул за плечи плащ и обернулся. – Ее Величество забывает, кто я есть. И что я легко могу обойтись без ошейника. Хотя Вам он очень идет... спорить не стану.

Лицо ее вспыхнуло.

– Да кто Вы такой, чтобы заставлять королеву волноваться за Вашу жизнь!

– Господин Вальтер! – распахнувшаяся с грохотом дверь ударилась о каменную стену, заставив обоих обернуться.

Лицо вбежавшей фрейлины было смертельно бледным.

– Господин Вальтер, Ваша сестра! Она умирает!

Момент, когда земля уходит из-под ног, кроме всего является моментом четкого осознания нематериальности страха. Страх рождается где-то глубоко внутри, как и ненависть, как и зависть, как и любовь. И юноша, для своих лет слишком взрослый, всегда холодно оценивал каждое слово в свой адрес, предпочитая оставаться сочувствующе непричастным к общему волнению, когда какая-либо новость врывается в стены этого замка. Но едва допущенная мысль о том, что с Агнесс могло что-то произойти, – и хладнокровие в его венах начинало пульсировать, и это злило, но контролю не поддавалось. Холодный каменный коридор промелькнул перед глазами за один вдох. Крутая лестница вверх – и с нервным выдохом глаза сузились от яркого света.

В огромном зале, непривычно залитом солнцем, редким в этих краях, казалось, еще никогда не было так много народа. Массивные дубовые стеллажи, стоящие на охране бесценных знаний сего сакрального места, сочувствующе обозревали возникший у их подножий хаос: фрейлины со слезами, беспомощными причитаниями и мольбами, приправленными изрядной долей боязни сделать еще хуже, окружили тело совсем юной девушки, лежащей на полу среди огромных опрокинутых книг. Бледные щеки в обрамлении карамельно-пшеничных волн, потеряли свой редкий яркий румянец, руки безжизненно вскинулись к высокому изящному воротнику со сверкающей серебряной пластиной, словно пытаясь избавиться от удушья. Блестящие голубые глаза в томной неге полуопущены для придания лицу большего трагизма.

С появлением Даниэля стало очевидно, что ждали именно его. Когда фрейлины расступились, не отводя наигранно испуганных, но уже в большей степени любопытных глаз от королевского сына, он опустился на колено рядом с бедняжкой.

Ресницы девушки заметно дрогнули, а в уголке глаз даже появилось по крохотной слезинке.

– Даниэль, я умираю...– слабо прошептали ее губы, пытаясь в этот момент выглядеть как можно выразительнее и прекраснее.

Вместо ожидаемого внимания в ответ ей донесся его несдержанный, искренне удививший страдальцу смех.

– Агнесс, и из этого ты сумела сделать целый спектакль?

Фрейлины боязливо ахнули, когда юноша повернул к себе ладонь девушки, на чьем указательном пальчике зиял тонкий порез с проступающими алыми каплями.

– Господин Вальтер! Лекарь вот-вот будет! Умоляем, сделайте что-нибудь, чтобы сохранить ей жизнь!

В этот момент в зал ворвались еще несколько мужчин. Впереди всех бежал герцог Эдмонд: слишком высокомерный для своего недавно приобретенного титула и слишком обеспокоенный случившимся для своей давно заявившей о себе гордыни. С того самого времени, как Даниэль все чаще стал замечать его в компании Агнесс, и первая, и вторая характерная черта герцога возросли до небывалых высот.

– Как это могло произойти?! – Эдмонд тут же оказался рядом с девушкой, намеренно игнорируя ее брата. – Дорогая моя, разве Вы не знаете, что снимать перчатки даже в замке крайне опасно! Неужели фрейлины Ее Величества настолько глупы, что не смогли за этим уследить! Если Вас не спасут, – он поднял суровый взгляд на девушек, чей искусно очаровывающий испуг, кажется, и на герцога не произвел должного впечатления, – я лично казню каждую, кто в этом виновен!

Зал снова наполнился причитаниями.

– Много шума из ничего, – голос Даниэля все-таки вынудил Эдмонда повернуться. – Агнесс страдает от своей мнительности, ничего более.

Девушка в это время чуть приоткрыла глаза, и, заметив, что ненависть герцога к ее брату отнимает все внимание от нее самой, как бы в последнем отчаянном жесте, умоляющем о спасении, дотронулась ладонью до щеки Даниэля.

– Ты не понимаешь,– трагично прошептала она, – эта рана может стать последней в моей жизни... и если я все же умру, обещаю, что я буду самой красивой на своих похоронах...

Герцог презрительно отвернулся, но самообладание предательски отказывало ему по мере того, как ее рука скользила по хорошо очерченным скулам. Усмехнувшись, Даниэль далеко не галантно подхватил девушку на руки. Путь ему вновь преградил колющий взгляд.

– Вы уверены, что рана не настолько серьезна, чтобы Агнесс можно было перенести в ее спальню?

– Больше всего, господин Эдмонд, меня беспокоит ВАША забота по этому поводу. Вы так часто с недавних пор стали проводить время в обществе моей сестры... Надеетесь, и королева одарит Вас вниманием?

Оскорбленная гордость герцога взвыла.

– Как Вы смеете так себя вести! – прошипел он, бесцеремонно оттолкнутый плечом Даниэля.

Спустя мгновение девушка уже лежала в своей кровати, тяжело вздыхая и закатывая глаза. Комната наводнилась придворными, что грозило перейти в потоп.

Даниэль сел подле девушки и ее тщетная попытка изобразить предсмертную агонию в очередной раз потерпела фиаско.

– Замолчите! – громкий голос заставил стихнуть гул окружающих. – Здоровье госпожи Агнесс не вызывает опасения, ведь сколько бы она ни разыгрывала жертву, поверженную книжной страницей и обреченную на мучительную смерть, для нее это всего лишь царапина, и она ее не убьет. – Он взял руку девушки, все еще подчиняющуюся наигранной слабости, и повернул ладонь к ней. – Посмотри, глупышка, кровь уже остановилась. Как бы ты ни хотела, ты не станешь такой, как они. Зачем же было разыгрывать эту драму?

Девушка, неохотно взглянув на палец с растертым красным пятном, поморщилась и отвернулась.

- Это случилось так неожиданно...

- Даниэль, я хотел бы поговорить с Вами, - сдержанный тон Эдмонда объяснялся только близким нахождением девушки подле ее брата.

- Если Вы хотите выяснить со мной отношения, герцог, - тон Даниэля, насмешливый и снисходительный, буквально поджигал воздух между ними, - то подождите, пока мы покинем общество дамы. Иначе я усомнюсь в том благородстве, которое Вы так любите при всех подчеркивать.

Судя по сдвинувшейся к переносице брови, сдержанность герцога уже была на исходе.

- Вы, Даниэль, ей не брат по крови, чтобы так со мной говорить. И Вы не сын королевы по крови, чтобы заслуживать столь щедрое ее расположение. Ваша кровь вообще не имеет ничего общего с нашим народом, и, как и ее цвет, вы столь же опасны и своенравны. Как и все люди, Вы пренебрегаете не только нашими правилами, Вы пренебрегаете незаслуженной любовью народа, и это дорого Вам обойдется. - Рука его легла на рукоять меча, и Даниэль, видя это, медленно встал. - Зря Вы не верите в то, что вардаром невозможно стать. Поверьте, кровь меняет свой цвет на более благородный. Так что помяните мое слово: эта девочка хочет и станет вардаром, и будет среди нас равной. А Вы - никогда.

Взгляды, все до единого, были прикованы к Даниэлю. Спокойствие, с которым он встречал надменную тираду, уже не в первый раз приводило в восхищение. Он уже привык побеждать противников в схватке амбиций, и хладнокровие, с которым он обычно встречал подобные слова в свой адрес, быстро разоружали противника. Но этот случай был явно из тех, которые заканчивались оружием. Если бы в конфликт в очередной раз не вмешалось третье лицо.

- Думаю, сейчас не самая подходящая обстановка для выяснения отношений. - Рядом с герцогом появился граф Реймонд, уже взявший в привычку сводить подобные конфликты Даниэля с королевскими приближенными на нет. - Главное, что госпоже Агнесс больше ничего не угрожает.

Фрейлины недовольно выдохнули.

– И дабы не доносить до сведения Ее Величества о вашем очередном не самом приятном разговоре, – молодой граф встал между ними, – предлагаю заключить перемирие. Даниэль, ты обещал королеве.

Даниэль презрительно молчал, и самодовольство в уголках его губ говорило о том, что проигравшим он себя не считает. Его оппонент отвел взгляд, делая громкий медленный выдох: он вынужден был сожалеть о содеянном из-за своей репутации в глазах королевы.

– Мне придется признать, что я благодарен за то, что Вы оберегаете жизнь этого прекрасного создания.

С этими словами герцог, слишком очевидно сопротивляясь неприятному для себя решению, медленно стянул с правой руки сатиновую перчатку и протянул открытую ладонь юноше. Зал, восхищенный его благородным жестом, замер. Но ответного жеста не последовало, и тишина вокруг них испуганно выдохнула. Обнаженная ладонь дрогнула, глаза Даниэля угрожающе блеснули.

– Вы считаете, что обнажать руку в знак высшего доверия передо мной, всего лишь человеком, о котором Вы только что так нелестно отозвались, безопасно? Вы, вардары, познавшие дар колдовства, заковываете себя в кандалы, в одежду, по прочности сопоставимую с кольчугой, потому что вместе с огромной силой вы стали самыми слабыми существами, раз малейшая царапина может лишит вас жизни... А теперь, чтобы продемонстрировать перед девушкой свое благородство, свою добродетель, вы обнажаете передо мной руку? Надеюсь, господин Эдмонд, Вы не исключаете тот факт, что я могу воспользоваться Вашей слабостью и убью Вас, стоит Вам увидеть кровь на своей коже?

Герцог оторопел, справившись с подступившим приступом под пристальными взглядами придворных. Ладонь мгновенно скрылась под плащом. Он медленно обернулся к Агнесс:

– Я желаю Вам скорейшего выздоровления, и очень прошу Вас, – он нарочно сделал паузу, – прошу, никогда не снимайте перчаток. Благородство в нашем мире может быть слишком опасным для жизни.

Вслед за Эдмондом, удаляющимся так же стремительно, как и появившимся, комната опустела. Бережно и осторожно Реймонд помог девушке удобнее устроиться на подушках и даже получил мимолетную улыбку в свой адрес... Но внимание девушки, которого он так искал, как всегда было всецело направлено не на него.

– Даниэль, ты слишком груб с моими друзьями, – недовольно проворчала Агнесс, зарываясь с головой в теплое меховое покрывало.

Юноша улыбнулся. Кажется, случившаяся перепалка его только развеселила.

– Только потому, милая, что они тебе не друзья. Все в этом мире двуличны, и когда-нибудь ты это поймешь.

– Вот если я стану королевой, все захотят быть моими друзьями.

Он всегда менялся, когда рядом с ним была Агнесс. Даже взгляд его становился мягче, приветливее, стоило ей войти в зал во время его встреч с просителями или застать его за ежедневными боевыми поединками в составе королевского легиона. Он любил ее поверхностный игривый взгляд, любил милую наивность ее несерьезных рассуждений. Эта наивность в мелодичном серебряном голосе делала Агнесс невероятно очаровательной, изящность ее движений, с которыми она следовала в окружении своих подруг среди вздымающихся стрелами колонн замка, приковывала его взгляд даже больше, чем следовало. Может быть, именно поэтому вокруг нее всегда было так много фрейлин. Но предполагаем ли мы, купаясь в восторге собственной значимости, что главным объектом чьей-то страсти можем быть не мы сами?..

Мягкая улыбка тронула его губы.

– Это чужое королевство, Агнесс. С тобой будут милы до тех пор, пока ты в милости у королевы. Но тебе, увы, нравится такая жизнь... Так что если ты станешь королевой, меня в этом замке уже точно не будет.

– Поверь, эти стены до последнего будут пытаться тебя удержать, – тихо усмехнулся Реймонд. – Как бы порядочно ты ни надоед Её Величеству своим неповиновением. Трон все-таки прочат тебе.

Он слишком хорошо знал Даниэля, чтобы понимать, как сложно протекали его отношения с матерью. Нежелание отпустить и невозможность удержать: безысходность, которая не миновала даже всемогущую правительницу.

– Просто Ее Величество не привыкла, – Даниэль решительно встал, как делал всегда, когда речь заходила о престолонаследии, – что найдется тот, кто посмеет отказаться от трона и ослушаться ее приказа.

– Тебя невозможно понять, – недовольно протянула девушка, – готов отдать власть и трон, чтобы жить вне замка, с простыми людьми!

– Действительно! – издевательски протянул юноша – Удивительное дело: я сам желаю распоряжаться своей жизнью! Разве я этого не достоин?

Реймонд улыбнулся.

– Настойчивость Ее Величества вопреки твоему нежеланию наводит на мысль, что ты себя недооцениваешь...

Даниэль обернулся.

– Рей, быть королем – это не привилегия. Это жертвование собственными интересами во имя королевства, во имя других. А я никогда не хотел быть королем. Это чужое для меня королевство, и я слишком долго живу чужой жизнью. Я хочу сам выбирать свое будущее. Это игра интересов, которую я когда-нибудь выиграю.

– В равной борьбе всегда побеждает тот, – Реймонд наклонился к Агнесс и поцеловал протянутую ему шелковую перчатку, – кто находит у противника его слабое место. И поверь, королева знает о тебе гораздо больше, чем ты думаешь. Поэтому ее следующий ход уже сделан. Ты слышал о новости? Гроза надвигается.

Юноша замер в дверях.

Его никогда не воспринимали просто как сына королевы, хотя и этого бы он не желал. Он всегда чувствовал приставку «человек», и это «отделение» от

вардаров в какой-то момент из неприятия превратилось в гордость. Да, он другой. Но по мере того как он вырослел, интерес к его личности не только не иссякал, но подпитывался многочисленными слухами, в которые, казалось, только он один оказывался верить. Как бы он ни хотел – он был среди «золотого круга» избранных королевы. И все знали, что именно из этого круга юношей, обученных с малых лет наукам и военному ремеслу, она выберет наследника. А он хотел собственной жизни. Жизни, о которой у него сохранились воспоминания. Вне этого круга, где о каждом твоём шаге не докладывают королеве. И она знала, что он сбегает в город вопреки ее приказам. Но ведь каждый раз он возвращается...

Теперь Ее Величество намеревалась сама застать его врасплох: своего рода отмщение за непокорность.

Даниэль обернулся.

– И она сказала, когда это будет?

– Завтра вечером. Ты играешь с непосильным для тебя противником.

Юноша устало выдохнул.

Откуда-то снизу донеслась едва уловимая мелодия клавесина.

Даниэль приложил палец к губам.

– А знаешь, что мы сделаем, Рей? Навестим Ее Величество. Прямо сейчас.

Реймонд ухмыльнулся, а на лице Даниэля появилась одна из тех улыбок, которой он сопровождал все свои спонтанные и опасные проделки.

– Даниэль, я клялся Ее Величеству, что буду отговаривать тебя от твоих сумасбродных выходок. Помнится, в прошлый раз ты заставил ее понервничать. – Реймонд довольно потер руки в черных перчатках, он был соучастником проделок Даниэля. – И ты, конечно, понимаешь, что она скажет...

– И именно поэтому мы это и сделаем.

Агнесс даже не успела возмутиться: словно два черных ворона, их плащи взметнулись среди портьер и оба выпорхнули с балкона, зацепились за карниз и с шумом влетели в огромные распахнутые створки просторного зала. Танцующие в ужасе кинулись кто куда, не понимая, что происходит. И только почти совсем глухая старенькая пианистка в круглых очках продолжала усердно давить на клавиши, извлекая заунывные звуки и не замечая образовавшегося вокруг хаоса.

Лишь одна фигура продолжала стоять, не дрогнув, как статуя римской богини – непоколебимая, непреклонная и невероятно прекрасная.

– Я же просила тебя. Никогда. Больше. Так. Не делать, – напевно прозвучал ее голос, рука с силой ударила по кипарисовому корпусу клавесина, отчего крышка захлопнулась, и очки пианистки сползли к самому кончику ее носа.

Реймонд преклонил колени. Последний аккорд, которому уже не суждено было разрешиться финальным стаккато, повис в воздухе. Даниэль, слишком очевидно довольный наделанным шумом, расправил плечи и медленно направился к девушке через весь зал. Подданные расступались, позволяя себе взгляды украдкой, голодные до событий. У них всегда была тема для сплетен, а появление Даниэля всегда обещало подробности, о которых обычно говорили шепотом. Юноша остановился напротив ее глаз и медленно опустился на колени, как уже давно подобало сделать в ее присутствии.

– Я желаю Вам доброго утра, Ваше Величество, – голос его был утрированно мягок и притворно податлив, – и искренне раскаиваюсь за Ваше беспокойство. Но дело, о котором я хочу с Вами поговорить, не терпит отлагательств.

Высокая, статная и грациозная... Невозможно было представить, что на столь изящных и хрупких плечах вместо подходящих им беззаботности и веселья лежало бремя правления всем королевством. Но это была иная юность, являющаяся отражением не столько колдовского дара, сколько огромной внутренней силы, приумноженной с годами.

Выдержав длинную паузу в назидание строптивому сыну, девушка едва заметным жестом, наконец, подняла юношу с колен так, что их глаза снова неминуемо встретились.

Стены зала заструились, становясь знакомыми глазу стенами приемных покоев, чья камерность и спокойствие вкупе с лихо потрескивающими искрами в камине уже давно вечной любовью привязали королеву к себе теплом и уютом. Именно здесь она предпочитала проводить разговоры наедине. Именно здесь, как только они остались одни, взгляд ее смягчился до неузнаваемости, а на лице появлялась любящая улыбка.

– Прежде чем ты что-либо скажешь, пообещай мне, что впредь не будешь так испытывать мое сердце. Ты хоть раз задумывался, что может произойти? Это одна из самых высоких стен замка! Ты сможешь уберечься от ножей, от мечей, от стрел, но от собственной глупости кто тебя уберезет? И к тому же...

– Но я...

– ...не нужно волновать подданных своим бесстрашием. Помни, это только твое преимущество, не заставляй твоих близких рисковать жизнью.

Королева всегда договаривала свою мысль, несмотря на бестактность сына. Эта была одна из тех крохотных черт, которая выдавала ее истинный возраст, скрывающийся за неувядаемой внешностью.

Она с любовью и строгостью смотрела на сына. Это служило ему разрешением повторить свою несдержанную фразу.

– Ваше Величество, новость о турнире застала меня врасплох. Как такое возможно! Я же просил...

– Я знаю, что ты просил.

– И вновь остался не услышанным! – Юноша зашагал по комнате. – Прошлый турнир был неделю назад. Я убил четверых. Разве было мало крови? Или этого уже недостаточно?

– Ты прав, – спокойно и размеренно говорила она, не отводя от него взгляда, – но цифра не так важна. Важнее то, что ты чувствуешь, убивая.

– Вы знаете, что я чувствую!

Воцарилась тишина. Казалось, Верена хотела что-то сказать ему в ответ, но вместо этого с губ ее сорвался только разочарованный вздох.

– Почему ты такой... – прошептала она, устав от очередного разговора. – Зачем тебе было дано так много упрямства, но так мало желания быть лучше других? Это твоя слабость, Даниэль, когда-нибудь тебе придется от нее избавиться.

Верена никогда ничего не говорила просто так.

Они поразительно смотрелись вместе. Его мужественные скулы и молодость вторили ее свежести и красоте. Ее накопленная веками рассудительность вторила его безрассудству. Во всем естестве ее – власть. Черты лица, манера говорить и спорить кричали всем об их родстве, хотя родственниками по крови они никогда не были.

В день их первой, роковой, встречи мальчик уже успел потерять почти все. Именно в этот день он впервые увидел черных всадников, въехавших в деревню со стороны Шварцвальда через главные ворота на внушающих ужас огромных лошадях, закованных в броню. Все было так, как мать и рассказывала в своих историях, только гораздо страшнее, и если бы к тому моменту они с отцом были еще живы, то обязательно прошептала бы своему сыну: «Я же говорила, что они существуют». Но она умерла от беспощадной болезни, как умерли почти все жители деревни... Изумление и ужас охватили горстку выживших. Разве воинственного вида всадники могли убедить обессиленных, но все еще защищающихся селян в своих благих намерениях? Только годы спустя Даниэль узнал, что тогда Верена сделала первую и единственную попытку контакта с людьми. Первый и единственный раз предложила помощь вопреки правилам. Но разве поверит толпа в минуты крайнего отчаяния в благородность чьих-либо помыслов? Поняв, что медлить нельзя и что помощи их не ждут, всадница во главе отряда приказала развернуть коней, однако в последний момент что-то заставило ее обернуться. Недалеко от ворот частокола, которым была окружена деревня, рядом с разрушенным жилищем, которое уже невозможно было назвать домом, сидела крохотная трехлетняя сирота, брошенная и исхудавшая от болезней. Сердце любой матери дрогнуло бы в этот момент, но только женщина, никогда не бывшая матерью, могла понять, как этому крохотному существу не хватало жизненных сил. Всадница жестом поманила к себе одного из сопровождающих и отдала краткие распоряжения. Ребенок даже не подумал сопротивляться и в мгновение ока оказался в седле подле всадника, и уже только мгновение отделяло похитительницу от открытых ворот, как вдруг

лошадь ее поднялась на дыбы, вскинув гриву и обнажив зубы. Наспех утихомирив разбушевавшееся животное, Верена не поверила своим глазам: между взбешенными лошадьми бегал мальчик, совершенно не боясь попасть под копыта, и пытался уцепиться за узду лошади.

– Только прикажите, Ваше Величество... – потеряв терпение, крикнул всадник, обнажая меч над головой мальчика.

Но крик мальчика, донесшийся до ее слуха среди общей сумятицы, поразил ее: он просил взять его с собой! Вместо слов королева подъехала к храбrecу и сама протянула ему руку.

Уже позже, в замке, когда Верена лично присутствовала при приготовлениях детей ко сну, когда сидела рядом с изголовьем кровати Даниэля, когда говорила с ним, удивляясь его редкому имени и его рассудительности для такого юного возраста, она поняла, что девочке он совсем не брат. Но на ее вопрос, зачем же он тогда бросился ее защищать, он ответил: «Одна в вашем мире эта девочка не выживет». Этот день навсегда врезался в память Верены как день, когда она обрела сына.

И теперь у нее были все основания быть уверенной, что по прошествии стольких лет подданные забудут о цвете его крови, об алом, пылающем цвете, который у каждого ассоциировался только с одним – людьми. И верить в то, что со временем не только кровь, но и юношеская безрассудность и упрямство могут поменять свой цвет на более благородный. И соответствовать и статусу, и ее взглядам на его будущее. Так всегда было в царстве вардаров. Так должно было быть в этот раз. Но впервые в жизни она видела рядом с собой достойного юношу, который, к ее тягостному сожалению, не желал прислушиваться к ее просьбам. Не хотел выполнять ее приказов. Не собирался стать частью уготованного ему великого будущего.

И вот теперь отчаяние ее уже переходило в стадию наваждения, когда единственным избавлением от навязчивой мысли может быть только беспрекословное подчинение объекта ее любви. Но она недооценивала Даниэля.

– Ты будешь участвовать в турнире наравне со всеми. – Голос ее был властен и непререкаем. – Я лучше знаю, что тебе нужно, я уже давно живу в этом мире. И не первый десяток лет правлю. Так почему бы тебе просто не сделать это для

меня?

Даниэль повернулся.

– Я готов посвящать каждую победу Вам, Ваше Величество, но только если они будут действительно заслуженными и достойными. Но честна ли победа, где против тебя встает простолюдин, не обученный владению оружием?

– Мой дорогой, – руки мягко опустились ему на плечи, – ты прекрасный воин. Искусство боя ты познал превосходно. То, что для них является шансом начать жизнь лучшую, чем у них есть сейчас, для тебя – необходимый каждому воину опыт. Это ли не честно?

– У них нет шанса выжить, и тот опыт, о котором Вы говорите, достается бесчеловечной ценой!

Пурпурные глаза благосклонно закрылись.

– Опыт достигается потом и кровью, мой мальчик, и если у них недостаточно умений, это не должно стать помехой потренироваться тебе, и стать таким же мужественным и достойным, как ты.

– Но это неравный бой! Наградили бы Вы хоть одного из них тем, что обещаете, если бы хоть один выжил?

Она улыбнулась.

– Не стремись сделать всех равными. Стремись выделиться среди равных, тогда никогда не будешь смотреть кому-то в спину. Мы не измеряем в литрах всю кровь, которая проливается за время турниров, но, поверь, твою мужественность и решительность потом будут измерять твои подданные...

Резким движением плеча юноша скинул ее руки.

– ...о подданных не может быть и речи!

Ее лицо было разгневанным, но мягким.

– Ты невыносим.

Ресницы ее устало опустились. Даниэль даже на секунду подумал, что она вот-вот упадет в обморок, но он слишком хорошо знал эту черту ее характера – она ждала от него раскаяния. И, возможно, все опять произошло бы именно так, как было всегда при таких беседах, но тут отсутствие металлического блеска на шее Даниэля заставило Верену поднять глаза на его воротник.

Стены замка содрогнулись от гнева.

– Сколько раз тебе говорить, что без некая твоя шея – мишень для врагов!

– Я человек, мне не нужен этот ошейник! Невинная царапина меня не убьет!

Цветной витраж уходящих под самый потолок остроконечных окон, задрожал вместе с ее руками.

– Я знаю, ты уповаешь на свою природу, на воротник, способный защитить от клинка. Но ведь и его, и кетты можно сорвать! К чему эти провокации?!

– Почему же я не могу отказаться от некая, если меня все равно невозможно убить?

– Потому что так ты провоцируешь своих врагов задуматься о том, что именно дает тебе такую уверенность!

Общая тайна, затронутая ими, заставила обоих замолчать.

– Оставим этот разговор, Вальтер, – сдержанно бросила она, поворачиваясь к Даниэлю спиной и однозначно показывая, что разговор их на этом будет закончен. – Тебе следует явиться на турнир, так как это моя воля. Ты живешь среди вардаров, и я не только твоя королева. Я – твоя мать. Ты обязан повиноваться.

Наконец чаша весов перевесила. Даниэль повернулся и направился к двери. Последние слова упали к ее ногам разбитыми осколками надежды на

примирение:

– Я не вардар, Ваше Величество. И имя мое – не Вальтер.

Глава 2

– Пошли все вон!

Множество теней рассыпалось по комнате, забиваясь в углы и прячась за массивной резной мебелью. Королева в крайне плохом расположении духа бессильно опустила руку в кресло рядом с камином и закрыла лицо рукой в тонкой черной перчатке. Дымчатый шифоновый полог роскошного платья покорно проследовал за хозяйкой и свернулся у ее ног, словно верный услужливый пес.

– Эдриан, ну сколько же можно! – В голосе ее то и дело сквозили нотки отчаяния, так ей не свойственные. – Это безрезультатное ожидание угнетает больше, чем угроза войны с эхтерлингами! И был бы нам хоть один знак, хоть одно предзнаменование о том, что надежды наши не напрасны!

Сумрак комнаты дрогнул. В темноте зала возник высокий широкоплечий силуэт. Черный прямой воротник с отполированным до блеска нектаром, настолько широким, что обладатель его непременно держал подбородок высоко, подчеркивал его исключительное место среди королевских подданных. Не поймешь, то ли молод он, то ли стар. Борода закрывает угловатый подбородок, делая лицо еще более вытянутым. В нем чувствуется сила.

Тяжелый плащ скользнул с крепких плеч и упал позади в знак почтения и смирения.

– Ваше Величество, еще рано воздевать руки к небу...

– ...пока нам самим не объявили войну! – взвинченный голос, звучавший так неестественно для этой женщины, заставил его сглотнуть остаток заготовленных утешений. Она была настолько не в духе, что накаленность обстановки требовала тактичной осторожности.

– Я понимаю Ваше беспокойство... – Его низкий гортанный голос вызывал глубокое доверие. – Но мы знали времена тяжелее, чем эти. эхтерлинги – народ не воинственный, но импульсивный и, к сожалению, злопамятный. Перешедшие нам по праву земли они продолжают считать своими, поэтому им хватит любого повода, чтобы объявить нам войну. А Великое Провидение, о котором и они, и мы с Вами знаем, не оставляет им иного выбора. Жить в ожидании собственной смерти – это ли не высшее наказание? Как только они узнают, что Он уже рядом с тронном, им нужен будет только повод.

Королева перевела разочарованный взгляд на огромный витраж, обрамляющий окна зала.

– Этот повод уже давно должен был появиться, Эдриан, с того самого момента, как я решилась на тот отчаянный шаг... ради того, чтобы он стал тем, кем ему суждено стать. Но до сих пор ничего не изменилось!

Холод в ее голосе заставлял даже самого близкого советника королевы чувствовать себя неуютно.

– Ваше Величество, я уверен, изменения уже начались, просто Вы еще не успели их заметить...

Королева перевела на него измученный взгляд.

– Знаешь, что он ответил мне перед уходом? Он не принимает свое второе имя – это самый главный показатель того, Эдриан, что мы недооценили этого мальчика. Я обладаю властью над всеми, кроме собственного сына!

– С этим мальчиком изначально все не так просто... – С его губ сорвался вторящий ее чувствам сочувственный вздох. – Если бы он родился в нашем мире, Вы бы не терзали себя понапрасну. Посмотрите на остальных: все те юноши, что входят в золотой круг, готовы отдать свои жизни за процветание нашего королевства. В глазах Ваших подданных я читаю исключительно восхищение и служение Вам, Ваше Величество, а Вы знаете, я очень скрупулезно отношусь к проявлениям верности и тщательно слежу, чтобы эта важная мелочь соблюдалась неукоснительно. Но звездам было угодно сделать так, чтобы Вы рядом с собой приютили человека, который не способен по-настоящему оценить

дарованную ему любовь и расположение.

Она молчала.

– Надеюсь, он согласился участвовать в турнире?

Снова тишина.

– Ваше величество... – он припал к ее перчатке, – его характер ломается, как и у всех юношей в этом возрасте. И именно сейчас его мировоззрению свойственна противоречивость. Это нам на руку. Это сдвинет его самоуверенность с прочной опоры... И пусть думает, что все перемены настроения естественны. Пусть думает, что Вы смирились. Дайте ему иллюзию свободы, иллюзию собственного выбора, и он сам примет решение в Вашу пользу. А как он к этому придет, – моя забота. – Темная бровь его слегка опустилась. – Раз он придет на турнир, значит, Ваша воля все-таки имеет над ним власть.

Девушка облокотилась на спинку кресла и горько улыбнулась.

– Только из почтения ко мне. Ты понимаешь? Вопреки своей гордыне. Это не его желание, это приказ...

– Может быть, и не его, пока только Ваше, – советник опустился на колени и взглянул в ее расстроенные глаза, – но скоро, скоро он поменяет свои предпочтения... Какая же это неслыханная дерзость, так пренебрежительно относиться к Вашим словам. Однако его сопротивление показывает его сильную личность, что для будущего правителя нашего мира – черта весьма, весьма выгодная. А те нюансы, которые Вам так не по душе, скоро исчезнут из его сознания, как и Ваши беспокойства. Я обещаю.

Глубокий вздох.

– Ну сколько же можно ждать, Эдриан? Прошло уже столько лет, столько турниров, ты говорил, что это поможет! – Голос королевы резко понизился до шепота. – Он сражается, он убивает. Но только лишь потому, что я так ему говорю! А после он снова сбегает в город! Любой бы на его месте душу продал за возможность занять трон, но он!..

Впервые Эдриан наблюдал так плохо скрытое отчаяние в ее глазах, и это заставляло его не любить Даниэля еще сильнее.

– Это только вопрос времени, Ваше Величество. Я знаю, Ваше терпение безгранично...

– Безгранично... – Она глубоко вздохнула. – Терпение – да, но вот мы, Эдриан, увы, не вечны.

Как странно было слышать эти слова от нее, всемогущей правительницы вардаров, славно правящей своим народом так много лет... Но ни могущество, ни магия, подарившая ей вечную молодость, не могла остановить время, которое все отчетливее начинало напоминать Верене о необходимости преемника.

– До меня, кстати, дошли слухи о проделке вашего сына этим утром. Как все-таки эгоистично рисковать своей жизнью кому-то назло...

Однако сатиновая перчатка выскользнула из-под его поцелуя. Королева знала его слишком хорошо, чтобы подпускать еще ближе.

– Я могу со многим смириться, Эдриан. Но это! Видел бы ты мои глаза, когда он влетел в зал! Он совершенно не думает о моем сердце! Что оно замирает, когда он выкидывает такие опасные шутки! Клянусь небесами, в такие моменты я полностью забываю, что он под защитой... – Ее голос словно нарочно оборвался именно на тех словах, которые советник всегда так старался расслышать.

– Воля Ваша, – его голос, бархатный, осторожный, – я догадываюсь, что причиной его опасных для жизни поступков является подаренный Вами оберег, позволяющий ему чувствовать себя бессмертным. Если б я знал, в чем именно он заключен, то, возможно, помог бы в будущем спасти наследнику жизнь...

Королева не подняла глаз.

– Это останется только его тайной. И только на его совести. О силы небесные, ну почему же он такой безрассудный!

Даже тот факт, что советник знал мальчика с момента его первой встречи с королевой, не давал ему права на главную тайну, которая столько раз оберегала Даниэля от неприятностей. Очередная попытка не удалась. Эдриан, видя явное нежелание Верены быть с ним откровенной, решил более не искушать судьбу.

– Я думаю, Вы достаточно ждали, Ваше Величество. Пришло время решительных действий. Я предлагаю Вам написать его имя в книге престолонаследия.

Удивленные глаза тут же вскинулись вверх.

– Написать его имя? Нет никаких подтверждений того, что Провидение сбывается! Я не допущу, чтобы эхтерлинги узнали о нем раньше времени...

– Ваше Величество, я знаю, как это опасно, но эта провокация может ускорить процесс...

– Я не позволю ставить жизнь моего сына под такую угрозу! – Верена поднялась над ним, как волна поднимается над отчаявшимся моряком. – Ты знаешь, что произойдет, стоит его имени появиться в книге престолонаследия! Эхтерлинги видят все, что в ней написано! И стоит его имени отобразиться, они сделают все, чтобы не допустить Вальтера до трона!

Эдриан припал к ее платью.

– Верьте мне, Ваше Величество. Я даю Вам слово, что эхтерлинги не смогут убить Вашего сына. Потому что ему суждено стать великим королем, властителем двух королевств. Мы слишком долго терпели мир с эхтерлингами, но, поверьте, настоящий король из этого мальчика родится на поле сражения.

Губы королевы очаровательно дрогнули.

– А что...– она наклонилась, и голос ее стал почти беззвучным, – что, если он раньше догадается о том, что с ним происходит?

Он приблизился к ней, и глаза их встретились.

– А многих ли вы встречали, моя королева, кто смог этому противостоять?

Тишина замерла между ними.

– Ваше Величество, мы все проходим через это испытание. Так пусть его истинная сущность благодаря Вашим усилиям вырвется наружу. Он догадается об этом только тогда, когда это уже произойдет. Но об этом не волнуйтесь, – он снова опустил взгляд и взял ее руки. – Это будет Вальтер, ваш сын. Тот, о ком говорит Великое Провидение.

Рука снова выскользнула из-под его поцелуя, и девушка медленно опустилась в бархатные объятия кресла.

– ...и станет твоим чужое королевство... – беззвучно прошептали ее губы.

Глава 3

– Да как она смеет!

Огромный железный молот с грохотом ударился о наковальню, озаряя снопами искр лицо, искаженное злобой. – Сотни раз я убеждал ее, что сам решаю все, что связано со мной! Но Ее упорство не сломить!

Слегка посмеивающиеся добрые глаза старого кузнеца, сидевшего в глубине душной каморки на большом закоптившемся стуле, улыбнулись еще больше. Он уже несколько минут наблюдал за таким неожиданным, но всегда любимым гостем, и вместо слов лишь изредка морщил нос, неодобряюще покачивая подбородком.

– Даниэль, мальчик мой, мы с Мартой всегда рады видеть тебя в нашем доме. Но в последнее время ты не возвращаешься от королевы в другом настроении, как только в этом...

– Но ведь я прав! – Ожесточенные удары на мгновение прекратились, и мальчик перевел острый взгляд на старика. – Мне ведь дано выбирать. Или нет?

Кузнец потер побаливающий затылок и откинулся на спинку стула.

– Выбирать тоже нужно с умом...

Последнее его слово вновь заглушил железный грохот, возобновившийся с еще большим остервенением.

– Я просто не могу понять, почему из всех кандидатов, рвущихся к короне, готовых сделать для Нее все, она все равно выбирает меня!

Старик усмехнулся. – Лучше бы королева вообще никогда не говорила тебе о своих симпатиях. Глядишь, ты и сам бы дорос до того, чтобы бороться за престол.

– За этот престол не борются, господин Паскаль. На него назначает королева и Совет!

– Назначает Совет, но достойных кандидатов выбирает Ее Величество, а она умеет заглядывать людям в души. Хотел ты этого или нет, так случилось, что ты вырос достойным занять ее место. И поверь мне, так думает не только королева, раз тебя так приветствуют на арене.

Разъяренный звон молота снова затих.

– Мне не нужен трон. Я принес бы гораздо больше пользы, работая здесь.

Мужчина тяжело оперся на верстак, встал и медленно подошел к наковальне, которую так беспощадно истязал Даниэль.

– Alter ego Regis, мой мальчик. «Правь в согласии со своим высшим Я». Эти слова полезны не только будущим королям. Кем бы ты ни был, важно всегда понимать, что у тебя здесь, – он поучительно ткнул пальцем в лоб юноши, оставив на коже черный след от большого пальца, – и в твоей душе. А пока у тебя там такой беспорядок, ты даже для себя опасен. Как доверить тебе в таком случае целое королевство?

Даниэль усмехнулся и потер лоб.

- Все знают это наставление. Но не все короли ему следуют.

- Знать мало, - улыбнулся старик - нужно доказывать делом. Нужно уметь бороться со своими демонами, Даниэль. В тебе слишком много силы, чтобы позволять ей захватывать контроль над собой.

Он отодвинул с наковальни молот и поднял изрядно погнутую заготовку меча, теперь безвозвратно испорченную.

- Скажи, ты намеренно хотел прибавить мне работы?

Даниэль молчал, и буря внутри него, наконец, затихала.

- Это можно исправить.

- Не всегда можно исправить последствия гнева, мальчик мой, как не стоит минутной слабости чья-то жизнь.

Юноша виновато вздохнул.

- Простите, господин Паскаль. Слова Верены просто не дают мне покоя...

- Не слова, Даниэль, а мысли об ее словах. Учись не пускать их в свое сердце, иначе те, кому это на руку, обязательно этим воспользуются.

Старый добрый Паскаль обладал удивительно ясным взглядом, чистым и открытым, словно у ребенка... С годами этот взгляд становился мягче, но не терял своей способности видеть вещи не только вблизи, а события - не только в прошлом.

Вот и в этот раз загадочная улыбка старика словно говорила о том, что он давно видел судьбу мальчика как на ладони. Но предупредить о ней Даниэля, одному Богу видно, не было смысла.

- Как бы ты ни злился на королеву, она остается твоей матерью, пусть не родной, но любовь ее не нуждается в привязке к родству. Уже это вызывает

большое уважение. И я понимаю, мой мальчик, почему она против твоих визитов сюда. Она боится, что когда-нибудь ты решишь вернуться к людям, и она тебя потеряет. Вот почему она запрещает сбегать, но ты ведь все равно делаешь это, по зову сердца. А значит, ее опасения небезосновательны.

Мальчик улыбнулся и потупил взгляд.

– Вы правы. И раз вы так много знаете обо мне, Паскаль, значит, мне нет нужды говорить, почему я до сих пор живу в замке.

Старик улыбнулся. Что-то подкупающее было в его взгляде, так искренне и открыто смотрели его глаза, беспристрастно, словно сразу пропуская собеседника в самую душу.

– Очень, очень мудрая королева Верена... – улыбнулись тонкие губы. – Твоя забота о сестре выдает твою человеческую сущность, вардарам не свойственно так пекся о заботах других без ведомой на то корысти. – Паскаль с доброй долей укоризны посмотрел в его глаза. – Я вижу, почему она хочет видеть на троне именно тебя. Эта мудрая женщина ничего не делает просто так.

– Снова отдыхаете на своем троне, Ваше величество? – Задорный и певучий голос Марты, невероятно подходящий ее добродушной натуре, заставил собеседников обернуться. Прелестная в своей полноте, она по-хозяйски вошла в сени кузницы, и комната наполнилась ароматом уже почти готового вкусного обеда. Из-за ее внушительного передника выглядывали не меньше дюжины любопытных ребятишек, с восторгом слушавших их разговор.

– На вас двоих посмотреть – так ты самый что ни на есть король! – прыснула она с укоризной. – Сидишь тут, пока мальчик всю работу делает!

Даниэль улыбнулся.

– Госпожа Марта, Ваш муж – мастер, каких не сыскать ни в одном королевстве. И ему, к моей собственной печали, достался самый плохой в мире подмастерье.

Низкую комнатку, и без того загроможденную разной утварью, заполонили любопытные детские лица. Позади доброй хозяйки мелькнуло еще несколько

фигур постарше.

– Даниэль, познакомься с Гильомом, – тетушка заботливо вывела из-за своей спины замаявшегося долговязого юношу, чьи живые глаза бегали по Даниэлю, словно по невиданной доселе золотой статуе. – Он давно хотел с тобой познакомиться.

Даниэль по-простому отер руки о сюртук и поклонился.

– Гильом завтра тоже участвует в турнире.

От голоса Марты улыбка на лице Даниэля тут же угасла.

– Хотел было сказать, что рад нашей встрече, не теперь, боюсь, мне нечем Вас порадовать.

– Полно тебе, Даниэль! – добрая женщина по-матерински обняла юношу. – Ты прекрасный боец, и, может быть, даже научишь этого мальчишка некоторым твоим приемам...

– Марта, Вы же знаете... – Даниэль разочарованно отстранился от ее заботливых объятий. – Вы же знаете, выжить на турнире невозможно. А научиться искусству боя за один день – тем более. Есть просьбы, которые мне посильно решить для вас, и буду очень рад, если буду Вам чем-то полезен. Но здесь, к сожалению, не смогу помочь. Я пытался обучать мальчиков втайне от королевы, пока сам не осознал: этим я провоцирую их вербоваться в ряды добровольцев на турниры.

– Мальчик мой, – лицо Марты было неумолимо трогательным и добрым, – не бери на себя вину за чужой выбор. Это его решение – идти на турнир. Представь, как трудно матери отпускать сына на бой... Но это его выбор, его решение. Он уже взрослый и мы обязаны его отпустить.

Даниэль тяжело вдохнул.

– Не разрывайте мое сердце, Марта. Я – заложник своего положения, и я ничего не могу с этим сделать. Если он выйдет против меня на арену... Мне не дано выбирать.

Иногда единственный шанс выиграть в бою – это не прийти на него.

Теплый летний закат смешивал в небе над величественными кронами Шварцвальда узоры красного вина и лелеющих небосвод облаков. Не услышать уже пения птиц, не вдохнуть спокойный сонный вкус вечера, потому что в этот желанный день привычная размеренность жизни всегда неумолимо вытеснялась потоками жителей. словно бурлящий поток, они стекались по жилам улиц и заполняли все подступы к каменной арене, возвышавшей свои чашеобразные своды почти до самых вершин исполинских деревьев, надежно окружающих город со всех сторон. Воздух пропитан криком толпы, неистовствующей, жаждущей, требующей. Жители опьянены сплетнями и весельем. Центральная улица переполнилась так, как заполняются до краев берега горных рек с приходом весенних дней, и даже многочисленной страже было сложно удержать узкий коридор, по которому приближенные Ее Величества должны были следовать к арене.

Остроконечные своды трибун вздымались далеко в небо, пестрея от красок: и чем ближе взгляд добирался до амфитеатра, во главе которого сидела королева, тем ярче и насыщеннее разливались цвета праздничных одежд подданных вокруг нее. Королевское ложе, украшенное дикими цветами и кокетливыми улыбками придворных дам, как магнит притягивало почтенных гостей праздника и безмерное любопытство остальных зрителей. Блеснула лучами заходящего солнца туго перетянутая золотая нить портьер, скрывающих от посторонних глаз ее любезную, всегда учтивую улыбку. Быть всеми любимой и самой никогда не любить – тоже дар. Но сама Верена думала о другом. Ждать оставалось совсем недолго.

Сердце арены, пропитанное темно-лазурной кровью тысяч боев, возбуждало жажду зрелища.

Многотысячный гул толпы стал нарастать с каждой секундой – это было добрым знаком того, что участники предстоящего поединка начали свой путь по живому коридору из зрителей, кто за мечтами, а кто за трофеями. Избранные из народа, желающие испытать судьбу ради возможности попасть в элиту королевства,

облаченные в традиционные для турнира ливреи и котарди, шли на бой в надежде не проиграть. Смельчаку, сумевшему убить одного из королевских приближенных или хотя бы выжить после боя, сулилось не только большое вознаграждение, но и земля – главное сокровище королевства. Нужно ли говорить, что за все турниры королева не обеднела ни на одну монету, а владения ее – ни на фут земли.

Но тем, кто в тот момент шел к арене, мало думалось о конце. Добровольцы шли так, словно каждый из них уже был победителями – все взоры были устремлены на них, и зрители, протягивая к ним руки, кидали под ноги свежесобранные голубые цветы, подбадривая и боготворя. Они уже были героями для своего народа, они шли, чтобы оказаться хоть на время наравне с теми, кто был так близко к всемогущей короне. Перед ними отныне было только два пути: выжить среди неравных шансов на победу или умереть. «Что делает оба этих варианта не лишенными своей прелести», – пронеслось в голове Эдриана, когда его почти мистически недостижимая фигура медленно следовала к месту действия под овации, полагающиеся не столько его статусу, сколько страху, переходящему в восхищение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/greys_s-a/val-ter

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)